градских патриархов в области, подвластной туркам. Эти вполне понятные стремления к автокефальности не получали однако церковно-юридической санкции и приводили к актам односторонним и случайным, которые Максим Грек не мог иначе квалифицировать как самочинные. Еще в первые годы пребывания своего в Москве он упрекал современников за непоминовение имени патриарха при богослужении, за поставление митрополитов в Москве, а не в Царьграде; он допытывался, на каком основании митрополиты русские ставятся не по прежнему, старому обычаю, у патриарха цареградского. Ему отвечали, что патриарх цареградский дал благословенную грамоту русским митрополитам — «поставлятися имъ волно своими епископы на Руси». Но Максим Грек, как ни искал этой грамоты, не мог ее найти.[1] Упреки Максима показались дерзкими и включены были в число обвинений, предъявленных ему на соборах 1525 и 1531 гг. Но, по словам историка церкви: «относительно всего, что читается в обвинении (по этому вопросу), вина Максима состояла единственно в том, что он смел говорить русским неприятную для них правду, на которую они не в состоянии были отвечать ему что-нибудь удовлетворительное».[2] Глубоко убежденный в своей правоте, Максим Грек не только устно отстаивал свою мысль, но мотивировал ее в особом произведении, написанном, вероятно, по поводу возведения в митрополиты Даниила в 1522 г. Это «Сказаніе ко отрицающимся на поставленіи и кленущимся своимъ рукописаніемъ русскому митрополиту и всему священному собору, еже не пріимати поставленія на митрополію и на владычество отъ римскаго папы латынскія вѣры и отъ цареградскаго патріарха аки во области безбожныхъ турковъ поганаго царя, и поставленнаго отъ нихъ не пріимати».[3] Здесь Максим говорит, что отказ принимать рукоположение от римского папы вполне правилен, ибо папа отпал от «лика православныхъ архіереевъ», но отказ признавать рукоположение константинопольского вселенского патриарха совершенно непонятен. Если рукоположения его гнушаются на том основании, что правоверные цари изгнаны из Царьграда и их заменили неверные, то нужно помнить, что власть нечестивых никогда не может осквернить святынь: ведь и в первые триста лет святая церковь, несмотря на власть гонителей христианства, во всем мире сияла, как солнце, посреди нечестия и ни один народ не отлучался от нее, как от оскверненной властью нечести-

[1] Чтения в Обществе истории и древностей росс., 1847 г., № 7. Список с судного списка, стр. 5, 13.

[2] Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, перв. полов., стр. 714. М. 1900.

[3] Каз. изд., III, стр. 126, 1897.